
ПЕРСОНАЛИИ

Начиная с этого номера в содержание журнала вводится новая рубрика — «Персоналии», в которой предполагается публиковать статьи, посвященные жизни и деятельности выдающихся ученых, своими трудами способствовавших становлению и развитию этнографических музеев. Первой в этом ряду публикуется статья, посвященная основоположнику Российского этнографического музея, замечательному исследователю и путешественнику Д.А. Клеменцу (1848—1914).

УДК 39(092)

Д.А. Клеменц: к портрету создателя Российского этнографического музея

ДМИТРИЙ ГЛЕБОВИЧ САВИНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии.
Доктор исторических наук, профессор
e-mail: journal@ethnomuseum.ru

Статья посвящена главным событиям жизни и деятельности замечательного ученого, путешественника, археолога и этнографа, основоположника Российского этнографического музея Дмитрия Александровича Клеменца.

Ключевые слова: ученый, путешественник, Южная Сибирь, культура, древности, археология, этнография, музей, народы России.

УДК 39(092)

D.A. Klemets: Profile of the Creator of the Russian Museum of Ethnography

DMITRY G. SAVINOV, Sen. D. (History)

Professor, Department of Archaeology,
Faculty of History, St. Petersburg State University
e-mail: journal@ethnomuseum.ru

The article deals with the landmarks in the life and work of the remarkable scholar Dmitry Alexandrovich Klemets, who is renowned as explorer, archaeologist, ethnographer and the founder of the Russian Museum of Ethnography.

Key words: scholar, traveller, South Siberia, culture, antics, archaeology, ethnography, museum, peoples of Russia

В истории российской науки и революционно-общественного движения Дмитрию Александровичу Клеменцу принадлежит особое место. Он родился в 1848 (год Парижской коммуны) и ушел из жизни в 1914 г. (начало Первой мировой войны). Между этими двумя событиями лежит целая эпоха, заполненная не только расцветом русской литературы и искусства, но и происходившим параллельно с этим развитием блестящей плеяды представителей гуманитарных областей знания — философии, древней истории (науки о первобытности), археологии и этнографии. В то же самое время активизировалось постоянно растущее революционное движение, охватившее страну, особенно в послереформенный период (начиная с 1861 г.). Ко всему этому Д.А. Клеменц имел непосредственное отношение, находясь в самой гуще событий и удивительным образом совмещая в себе теоретика и практика в каждой сфере научной и общественной деятельности, которой он занимался.

Знаменательны также происхождение и место рождения Д.А. Клеменца: род Клеменцев происходил из курляндских немцев, а родился будущий ученый в с. Горяиново Саратовской губернии, где за Волгой располагались бескрайние и вольные калмыцкие степи. Таким образом, уже изначально в формировании личности Клеменца совмещались черты влияния Запада и Востока, что так или иначе прослеживается на протяжении всей его жизни.

О жизни и деятельности Д.А. Клеменца написано уже достаточно много, но еще, конечно, не все. Одни страницы его многогранной биографии — Клеменц народник-революционер и общественный деятель, Клеменц — основоположник Российского этнографического музея, Клеменц как археолог — освещены уже достаточно полно; другие — Клеменц как этнограф и востоковед — несколько меньше; третьи — Клеменц как теоретик истории первобытного общества — еще не рассматривались вовсе.

Два посвященных ему издания (одно — вышедший вскоре после смерти Д.А. Клеменца специальный выпуск «Известий Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества» (№ XLV, 1916); другое — сборник научных статей «Пигмалион музейного дела в России», выпущенный к 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца, 1998) в целом достаточно полно отражают широчайший круг интересов этого удивительного человека, по сути — последнего энциклопедиста, стоящего на «перекрестке» многих наук и общественных течений. И.И. Попов, один из первых биографов

Д.А. Клеменца, отмечал, что «от всей жизни, как и от самой фигуры Клеменца веет какой-то особенной ширью»¹.

Инициатор и редактор сборника «Пигмалион музейного дела в России», также впоследствии директор Российского этнографического музея, И.В. Дубов писал, что «всю активную жизнь Д.А. Клеменца можно разделить на три основных периода: первый — петербургский, связанный с деятельностью революционера-народовольца; второй — сибирский, когда он находился в ссылке, и третий, снова петербургский, посвященный исключительно науке и музейному строительству»². Каждый из этих периодов, судя по хронографии дат жизни и деятельности Д.А. Клеменца, занимал около 15 лет (12, 16 и 14 соответственно). К этому следует добавить краткий (всего 3 года) последний период жизни и деятельности Клеменца — московский. Таким образом, из 66 прожитых лет 45 было отдано революционному движению, публицистике, путешествиям, науке, музеям. В жизни Клеменца все это было единым: «В самый разгар научной деятельности Д.А. не разрывал связи с русской общественностью, как и в периоды интенсивной политической работы не оторвался от науки»³.

Это верное замечание, однако, может оцениваться на наш взгляд и несколько иначе: Д.А. Клеменц как истинный буддист-паломник прожил не одну жизнь, разделенную на периоды, а несколько или даже много жизней. И при каждой инкарнации он сохранял в своей «новой» жизни все самое важное и необходимое, что мог взять из «предшествующей»: из революционного прошлого — верность общественным идеалам и чувство дружбы с товарищами по партии; из многочисленных путешествий по самым отдаленным уголкам Южной Сибири — знание этнографического материала и интерес к далекому прошлому этой страны; из археологических раскопок — любовь и внимание к материальной сфере культуры; из участия в «Сибирской газете» — к изданию «Восточного обозрения» (после переезда в Иркутск) и т. д. Каждая «новая» жизнь, в зависимости от обстоятельств, начиналась как развитие наиболее ценного (опыта, знаний, фактов) в наследии от «старой». В этом, скорее всего, заключается жизнеутверждающая диалектика жизни Д.А. Клеменца, позволившая в равной степени сохранять ему творческую индивидуальность и энергетику на протяжении столь длительного времени. А когда этого не стало, не стало и самого Дмитрия Александровича Клеменца.

Если проследить — пунктиром — начальный путь Д.А. Клеменца, то он будет таким: Хвалынское уездное училище — Самарская и Казанская гимназии — Казанский университет (математический факультет) — с 1869 г. — Петербургский университет (физико-математический факультет, откуда он был отчислен по собственному заявлению в 1872 г. в связи с активным участием в кружке «чайковцев»⁴). Дальнейшего образования Д.А. Клеменц «не проходил», хотя был блестяще эрудированным человеком, владевшим многими европейскими языками. Таким образом, Клеменц — это, образно говоря, *Self-made men* («Человек, который сделал себя сам»).

Интерес к естественным наукам, в частности, к геологии, Клеменц сохранял на протяжении всей своей жизни, что наиболее ярко отразилось во время его путешествий по Саяно-Алтаю, когда он особенно тщательно занимался геологическими и зоологическими наблюдениями⁵. Видимо, этим же объясняется его отношение к этнологии, которая, по мнению исследователя, «крайне близка к естествознанию»⁶.

Что касается революционной деятельности Д.А. Клеменца до его ареста и ссылки в Сибирь, то она была настолько насыщена и разнообразна, что даже трудно представить, как это могло уместиться в несколько лет жизни одного человека: «член кружка “чайковцев”, один из организаторов “хождения в народ”, редактор народнических изданий “Община” и “Земля и воля”, блестящий пропагандист и талантливый публицист, он единодушно признавался современниками одним из влиятельнейших лидеров народнического движения 70-х годов»⁷. К этому следует добавить частые поездки по организационным и издательским делам в европейские столицы — Париж, Женеву, Лондон, Берлин, попытку организовать побег из якутской ссылки Н.Г. Чернышевского, нахождение около 7 лет на нелегальном положении (причем, по свидетельству современников, Клеменц неоднократно избегал ареста и долгое время оставался практически «неуловимым»). В те же несколько лет вместились — «между делом» — одна или две поездки на Балканы (1875 или 1876 гг.) для участия в Русско-турецкой войне, написание массы публицистических статей, многие из которых, написанные под псевдонимами, еще не атрибутированы, и многое-многое другое. Клеменц — теоретик, Клеменц — подпольщик, Клеменц — трибун. С.М. Степняк-Кравчинский, автор знаменитой книги «Подпольная Россия», считал своего друга

Д.А. Клеменца «одним из самых сильных умов, бывших в рядах революционной партии»⁸.

Сохранились описания внешнего облика Д.А. Клеменца тех лет, записанные уже позже по воспоминаниям современников. «В нем все было характерно: и несколько калмыцкое лицо с высоким философским лбом и с чудными темными глазами <...>, и правильно очерченный рот с иронической улыбкой, и крепкая, угловатая, дышащая силой фигура, и веселый, безусловно социабельный характер <...> Современники считали его мудрецом-мыслителем, которого природа наделила головой, напоминающей Сократа»⁹. Сохранилось и такое описание: «В его лице было что-то калмыцкое, но вместе с тем в его выражении было много притягательного, симпатичного. Это выражение делали его умные кроткие глаза и мягкая бодрая улыбка. Обращал на себя внимание также его огромный покатый лоб»¹⁰. Сохранившийся фотопортрет Д.А. Клеменца — молодого, смелого, целеустремленного — вполне соответствует такому описанию (рис. 1).

Напряженная и активная жизнь оборвалась внезапно: в ночь на 25 февраля 1879 г. Д.А. Клеменц по доносу провокатора был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где в камере Трубецкого бастиона провел около 2,5 лет, после чего был сослан в Сибирь, в дале-

Рис. 1. Дмитрий Александрович Клеменц в 1875/76 гг.

кую Якутскую область. Трудно предположить, о чем думал тогда Д.А. Клеменц (скорее всего, о победе?), но одно можно сказать совершенно определенно — ни о каких алтайских инородцах или минусинских курганах он и не помышлял. Однако судьба распорядилась иначе. Можно сказать, что Клеменцу «повезло». В Красноярской пересыльной тюрьме он тяжело заболел (сказались последствия заточения в крепости). И поскольку по этапу он не мог добраться до места назначения, то якутская ссылка была заменена ему значительно более легкой — и совсем недалеко! — в Минусинск, который тогда, благодаря Н.М. Мартьянову, создателю Минусинского музея (открыт в 1877 г.), мог считаться одним из культурных центров Сибири.

Пятилетний срок минусинской ссылки (1881—1886) оказался весьма насыщенным и переломным на жизненном пути Д.А. Клеменца. С одной стороны, он не прерывал связей с представителями революционного народнического движения и по-прежнему тяготел к естественным наукам (в первую очередь, к геологии); с другой, на авансцену его научных интересов выдвинулись совершенно новые области знания — археология и этнография. В этом синтезе естественных и гуманитарных наук закладывались основы теоретических взглядов Д.А. Клеменца на историю развития человеческой культуры и общества, наиболее близкие антропогеографии Ф. Ратцеля.

Начинается эпоха путешествий Д.А. Клеменца. Еще будучи политическим ссыльным, в 1883 г. он участвует в поездке А.В. Адрианова в места стыка горных систем Кузнецкого Алатау, Восточного Алтая и Западного Саяна, причем большую (степную) часть маршрута по долине Абакана проводит самостоятельно. В следующем, 1884 г., уже по поручению Западно-Сибирского отделения Русского географического общества (РГО), Клеменц исследует верховья р. Абакан (через с. Таштып в сторону Телецкого озера), а в 1885 г. совершает и более далекое путешествие — в Урянхайский край (Тува), на плотках по водной системе Кантегир—Хемчик. Эти маршруты Д.А. Клеменц попытается объединить во время путешествия 1887 г.: снова в Урянхайский край вдоль горных хребтов, на плотках по Улуг-Хему (Енисей) и Абакану, с выходом на Чулышман (Горный Алтай)¹¹. Важно отметить, что Д.А. Клеменц был истинным пионером в изучении этих мест, весьма отдаленных и труднодоступных. Основной целью этих путешествий было систематическое и всестороннее изучение края, знакомство с археологическими памятниками,

этнографические наблюдения. Конечно, дались такие поездки, особенно в начале, нелегко, но именно они в очередной раз закаляли характер ученого. Позднее Д.А. Клеменц вспоминал: «Никто не хотел и не хочет верить, чтобы человек, едва державшийся на ногах, мог возвратиться через три месяца путешествия, полного лишений и опасностей, таким здоровым и свежим, как оказываюсь я»¹².

Тогда же в Минусинске Д.А. Клеменц познакомился со своей будущей женой Елизаветой Николаевной Зверевой (Клеменц), родившейся в 1853 г. в Красноярске, недавней бестужевкой, работавшей в Минусинском музее в отделе ботаники и герберизации. Венчание состоялось 19 августа 1887 г. в с. Аскизском (тогдашний центр Сагайской думы)¹³. Елизавета Николаевна стала верным помощником и постоянным спутником Дмитрия Александровича на протяжении всей его последующей жизни. Она профессионально занималась ботаническими наблюдениями и составлением гербариев, расширяя тем самым комплексный характер проводимых исследований.

О заслугах Д.А. Клеменца в области археологии Южной Сибири уже писалось неоднократно¹⁴. Как отмечает один из указанных авторов, «Д.А. Клеменц времени не терял! Почти сразу освоившись с Минусинском, с 1883 года он занялся изучением собранных музеем древностей. С 1885 года эти занятия, сначала не обязательного характера, были приурочены к работе по составлению каталога Минусинских древностей»¹⁵. Этот труд — «Древности Минусинского музея» — был опубликован с обширным комментарием в Томске в 1886 г.¹⁶. По своему характеру (иллюстрированный каталог с предисловием и комментариями) данное издание выдержано в духе «Путеводителя по северным древностям» Х. Томсена (1836). И это явно не случайно: в России примеров таких изданий тогда еще не было, а, судя по всему, Д.А. Клеменц прекрасно знал европейскую литературу. Другое дело, когда и как он успевал знакомиться с этой литературой и образовываться в соответствии с расширением круга своих научных интересов. Вероятно, отсюда же заимствована идея о сосуществовании различных материалов в рамках одного исторического периода, несколько нарушающая знаменитую систему «трех веков», принятую в скандинавской школе археологии.

Так, согласно мнению Д.А. Клеменца, все (или почти все) минусинские курганы следует относить к одной эпохе палеометалла, т. к. «очень трудно пока провести четкую грань между... периодами, потому что в бронзовую

эпоху постоянно использовались, наряду с бронзовыми, каменные инструменты, а в железную — бронзовые»¹⁷. В известной степени Д.А. Клеменц был прав: именно в Южной Сибири традиции развитого бронзолитейного производства сохраняются вплоть до конца I тыс. до н. э. и какой-то период времени сосуществуют с производством железных изделий.

Совместная с Н.М. Мартьяновым работа по организации фондов хранения и накоплению материалов Минусинского музея стала первым для Клеменца опытом обращения к музейной работе, впоследствии ставшей основной в его многогранной деятельности. Сам он позже называл себя «музейщиком школы Мартьянова».

Визуальное знакомство с огромным количеством курганных сооружений, в основном в центральных и юго-западных районах бассейна Среднего Енисея, где проходили маршруты экспедиций Д.А. Клеменца, позволили ему предложить достаточно подробную классификацию памятников, исходя из внешних отличительных признаков (форма, размер, количество сопутствующих плит и др.). До этого такую же работу проделал В.В. Радлов, выделивший для медного (или бронзового) периода 6 типов курганных сооружений. Д.А. Клеменц предложил свою классификацию, разделив памятники на 13 типов. Как было позже отмечено, среди них «нет несуществующих типов памятников»¹⁸ — все виды курганных сооружений достаточно хорошо «узнаваемы». Естественно, говорить об их точной датировке до проведения археологических раскопок тогда (да и сейчас!) было бы преждевременным.

Из других заслуг Д.А. Клеменца в области археологии, предвосхищавших будущие открытия, отметим собрание сведений о местах наибольшей концентрации памятников, в связи с чем впервые упоминается с. Батени — впоследствии район проведения исследований С.А. Теплоухова, послуживших основой для создания современной периодизации в археологии Южной Сибири; предпринятое впервые разделение минусинских каменных изваяний, затем подтвержденное на более обширном материале М.П. Грязновым и Е.Р. Шнейдером; открытие укрепленных горных городищ — *све*, по поводу чего Д.А. Клеменц писал: «Интересно было бы произвести систематические раскопки вдоль стенок городища, но я оставил это на долю будущего более счастливого исследователя, у которого будут на это достаточные средства»¹⁹. У Д.А. Клеменца этих средств, как

и разрешения на раскопки, не было. Но, тем не менее, открытие состоялось.

Что касается этнографических материалов, то они, несомненно, были объектом постоянного внимания Д.А. Клеменца. К сожалению, следов этого внимания в литературе сохранилось меньше, чем могло бы быть обеспечено фактическим материалом, тем более, что этнографическая среда представляла собой то непосредственное окружение, в котором существовал Клеменц во время своих путешествий по различным районам севера Центральной Азии и Саяно-Алтайского нагорья. Из опубликованных работ того времени особо отметим две, вторично введенные в научный оборот с соответствующими комментариями А.Б. Островским — это известная «Заметка о тюсях (хакасских онгонах. — Д.С.)» и блестящее научно-популярное эссе «Минусинская Швейцария и боги пустыни (Из дневника путешественника)»²⁰. Остальное представлено в отчетах, докладах и мелких журнальных сообщениях.

С 1884 г. вновь начинается активное сотрудничество Д.А. Клеменца в периодических, теперь уже сибирских, изданиях. В 1886 г., после окончания срока ссылки, Клеменц переезжает в Томск, где вместе с А.В. Адриановым участвует в издании одной из самых передовых тогда «Сибирской газеты». В то же время он совершает еще одно путешествие в Урянхай (1885), а в 1887 г. Д.А. Клеменца избирают членом-корреспондентом Московского археологического общества. Это значительно расширило круг его научного общения и дало возможность постоянной переписки. Однако в целом томский период в жизни Д.А. Клеменца длился недолго. После открытия Томского университета (1888), по ходатайству его создателя и попечителя учебного округа В.М. Флоринского, «Сибирская газета» была закрыта, дабы не оказывать вредного влияния на студенческую молодежь, набранную тогда в основном из представителей средних слоев населения²¹.

В том же 1888 г. Минусинский музей наконец получает право на проведение археологических раскопок²². Д.А. Клеменц сразу отправляется в очередную экспедицию, теперь уже в северо-западную часть бассейна Среднего Енисея, в верховья Чулыма, где проводит тщательную разведку, раскапывает несколько курганов и изучает этнографию и быт качинцев и кызыльцев.

Но главным открытием сезона 1888 г. стали раскопки большого кургана у с. Назарово, содержавшего коллективное (более 100 человек) погребение и значительное количество предметов сопроводительного инвентаря (всего

123 предмета). Позже по этому кургану, раскопанному Клеменцем, был назван назаровский этап лесостепной тагарской культуры, датированный III в. до н.э. Продолжением этих работ явились раскопки большого кургана на окраине Уйбатского чаа-таса (1889—1890), вошедшего в литературу под названием «курган Клеменца», датированный II в. до н.э. — I в. н.э. При этом все исследователи отмечали высокий, во многом опережающий свое время, качественный уровень раскопок Клеменца. Следует отметить, что это были первые раскопки т.н. «больших курганов-склепов» в Южной Сибири. Из опыта раскопок подобных памятников уже в наше время известно, насколько трудоемким и требующим тщательной фиксации является процесс их исследования. Д.А. Клеменц первым прошел этот цикл без каких-либо существенных потерь от начала до конца²³. При этом для определения специалистами помимо вещей брались кости лошадей и животных, что, по мнению М.А. Дэвлет, «делало далеко не все археологи даже несколько десятилетий спустя»²⁴.

В декабре 1889 г. Д.А. Клеменц получил приглашение от Г.Н. Потанина о переходе на работу в Восточно-Сибирское отделение Российского географического общества (ВСОРГО), располагавшееся в Иркутске. Клеменц в это время находился уже (вот неуспокоенность гения!) на золотых приисках в Восточных Саянах. Он дал свое согласие, и в 1890 г. супруги Клеменцы переехали в Иркутск, где уже через год, как один из самых видных специалистов по географии, этнографии и археологии Сибири, он занял место правителя дел ВСОРГО.

Иркутский период жизни Д.А. Клеменца, помимо общего руководства делами отдела, знаменуется тремя основными направлениями деятельности: издание журнала «Восточное обозрение», сменившего в общественной жизни края «Сибирскую газету», ранее издаваемую в Томске; неоднократные этнографические поездки к бурятам; организация известной Сибиряковской экспедиции. Археологическими исследованиями в Прибайкалье Д.А. Клеменц не занимался, очевидно, понимая, что для этого требуется подготовительная работа, не меньшая, чем в Минусинском крае. Изучение бурят Д.А. Клеменц проводил, уже имея большой опыт подобных исследований среди различных групп населения Саяно-Алтайского региона (кызыльцев, сагайцев, качинцев, шорцев, сойотов и др.). Известны этнографические работы, написанные на этих материалах — «Забайкальские эскизы» (1893), «Заметки о кочевом быте» (1908), «Обществен-

ные охоты у северных бурят» (совм. с М.Н. Хангаловым, 1910). Вообще, с этого времени, интерес к этнографическим исследованиям в жизни Д.А. Клеменца начинает заметно превалировать над археологическими, хотя еще несколько лет будет отдано археологическим изысканиям.

Но главным предприятием этого периода было участие, а фактически — создание, Якутской — Сибиряковской — экспедиции, названной так по имени крупного золотопромышленника и мецената И.М. Сибирякова, имевшей целью изучение коренного населения для выявления экономического потенциала отдаленных районов Восточной Сибири. По делам экспедиции в 1893 г. Клеменц выезжал в Якутск, включая поездки по улусам, переговоры и т. д. Его перу принадлежит «Программа работ экспедиции» и определение состава ее участников. Первоначально предполагалось привлечь для участия в Сибиряковской экспедиции столичных ученых, однако Д.А. Клеменц, при содействии П.П. Семенова-Тянь-Шанского, добился того, чтобы в состав экспедиции были включены в основном политические ссыльные, отбывающие ссылку в Якутии. Среди них В. Серошевский, Н.А. Виташевский, И.И. Майнов, Э.К. Пекарский, В.М. Ионов и др. (всего 10 человек). Для изучения наиболее отдаленного Колымского округа были приглашены В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз (Тан). Для всех них участие в Сибиряковской экспедиции стало путем освобождения из ссылки и возвращения в нормальную жизнь; многие и после этого продолжали заниматься научной деятельностью, а такие имена, как Э.К. Пекарский, В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз (Тан) составили славу российской этнографической науки. Имеются основания полагать, что добившись такого состава участников экспедиции, Д.А. Клеменц отдавал последнюю дань и протягивал руку помощи своим ссыльным товарищам — ведь и ему первоначально была определена якутская ссылка. Как тут не вспомнить знаменитое пушкинское: «И я бы мог...».

Годы, проведенные в Сибири — минусинский, томский и иркутский периоды, — конечно, дались Д.А. Клеменцу очень нелегко. Достаточно сравнить две фотографии — молодого и зрелого Клеменца (рис. 2). Это одно и то же лицо, но уже совершенно разные люди. И дело здесь не в годах — между ними всего около 15 лет. На фотографии 1891 г. Клеменц — это уже не просто взрослый, а много переживший, уставший, конечно, больной, и в то же время очень опытный, проницательный и настороженный человек. Теперь он все дальше отходит от своего революционного прошлого, отдавая

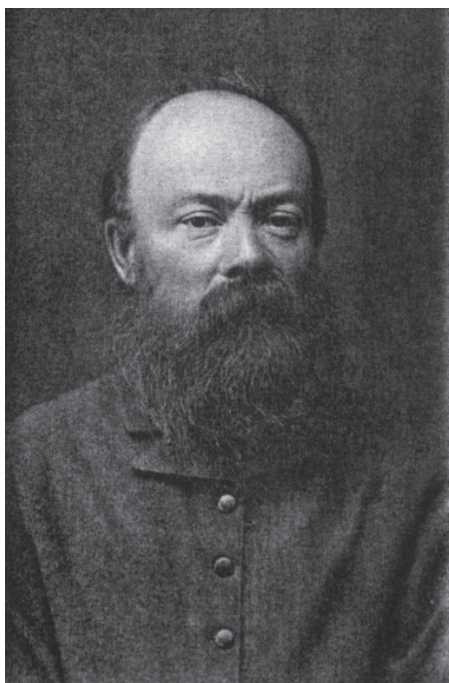

Рис. 2. Дмитрий Александрович Клеменц в 1891 г.

все силы научной, организационной и просветительской работе. Впрочем, этому способствовали и очень важные внешние обстоятельства.

В 1891 г. Д.А. Клеменц получил приглашение от В.В. Радлова участвовать в Орхонской экспедиции, организованной Академией наук после открытия Н.М. Ядринцевым некрополя тюркских каганов и памятников рунической письменности в Кошо-Цайдаме (Северная Монголия). Выбор Радловым Клеменца, как одного из самых авторитетных к тому времени исследователей (причем исследователей-практиков) древностей Центральной Азии, был вполне осознанным — именно Д.А. Клеменцу было поручено систематическое обследование археологических памятников Монголии, которое, в результате, с перерывами продолжалось несколько лет. В 1899 г., считая невозможным совмещать большую организационную работу правителя дел ВСОРГО с постоянными экспедициями в Монголию, Д.А. Клеменц слагает с себя эту должность и переезжает в Ургу. По карте путешествий Д.А. Клеменца 1885—1896 гг., составленной академиком В.А. Обручевым, видно, что Клеменц буквально «исколесил» всю территорию Монголии. Общая протяженность пройденных им маршрутов в это время составляет более 15 000 верст (если прибавить к этому предшествующие путешествия на территории Саяно-Алтая, то значительно больше).

В результате этих путешествий было открыто и описано огромное количество археологических памятников, сведения о которых в виде Отчетов регулярно поступали в Археологическую комиссию и до сих пор представляют собой непреходящую ценность для современных и будущих исследований. Археологическими раскопками на территории Монголии Д.А. Клеменц не занимался, но все большее его внимание привлекает музейная работа, в частности, создание музеев «на местах». В октябре 1892 г. он выступил в Кяхте с лекцией «Местные музеи и их значение в провинциальной жизни», получившей широкий общественный резонанс и впоследствии опубликованной²⁵. Все эти годы рядом с Дмитрием Александровичем находилась его жена и верный спутник Елизавета Николаевна Клеменц, которой приходилось совершать и самостоятельные маршруты. Во время одного из них на р. Толе ею был открыт знаменитый памятник Тоньюкука, ближайшего сподвижника и советника тюркских каганов²⁶.

Вторая половина 1880-х — начало 1890-х гг., по-видимому, вообще были наиболее напряженными в жизни Д.А. Клеменца. Различного рода события и даты «накладываются» друг на друга, одно путешествие сменяет другое... Последнее самое крупное научное предприятие этого периода — экспедиция в Турфан в 1898 г., которую Д.Н. Анучин считал «самым крупным делом, совершенным им в этот период его жизни»²⁷.

Сами по себе обстоятельства этого путешествия достаточно интересны. В Императорское Русское географическое общество (ИРГО) передали из Азиатского музея «мешок» с фрагментами китайских, индийских, уйгурских, буддийских, манихейских рукописей, найденных (или купленных) во время экспедиции В.И. Роборовского и П.К. Козлова в 1894—1895 гг. Эти рукописи первоначально были разобраны видными востоковедами А.О. Ивановским и С.Ф. Ольденбургом, доклад о них сделал В.В. Радлов, но для дальнейших исследований условий этой замечательной находки в Восточный Туркестан был направлен Д.А. Клеменц, тогда уже работавший в должности консерватора МАЭ. Клеменц отправился в Турфан уже по знакомому ему пути (Барнаул — Бийск — Кош-Агач — Кобдо — Урумчи), работал там 4 месяца и привез в Петербург ряд фресок, аккуратно отбитых со штукатуркой, новые восточные рукописи, мелкие предметы быта²⁸, став «поистине первооткрывателем древностей севера Восточного Туркестана»²⁹. К сожалению, по различным

причинам, в первую очередь — финансовым, эта работа не имела продолжения, и вскоре по следам Д.А. Клеменца отправились другие, уже немецкие экспедиции.

В связи с результатами Турфанской экспедиции 1898 г. уместно привести слова неперменного секретаря Императорской Академии наук, видного востоковеда акад. С.Ф. Ольденбурга: «Отличительным признаком Д.А. Клеменца как научного работника было сознательное и определенное отмежевание той области, в которой он работал: он считал себя, прежде всего, больше всего путешественником и соответственно этому и вел свою работу. Он полагал, что ему прежде всего надлежит сделать именно ту работу, которую может сделать только человек, работавший на местах»³⁰. В известной степени излишняя скромность Д.А. Клеменца отразилась и на всей остальной его работе: будучи чрезвычайно скрупулезным при сборе фактических материалов (не важно, в какой области знания он в данный момент работал), Клеменц не стремился к их быстрому обобщению и введению в научный оборот, ограничиваясь преимущественно отчетами, небольшими статьями, заметками. Отсюда сравнительно небольшое количество опубликованных работ, к тому же разбросанных по разным, сейчас труднодоступным изданиям, по отношению к тому массиву бесценного фактического материала, которое составляет научное наследие Д.А. Клеменца.

Еще во время работы в Монголии, в 1893 г., Д.А. Клеменц получил от В.В. Радлова приглашение переехать в Петербург для продолжения научной работы, однако в виду большой занятости осуществить это предложение удалось только в 1897 г. Планировалось устройство Д.А. Клеменца в Археологическую комиссию, с руководством которой он находился в постоянной переписке³¹, но оно по каким-то причинам не состоялось, и в 1901 г. Клеменц был принят в штат во вновь созданный МАЭ, которым тогда уже руководил В.В. Радлов, сначала в должности консерватора, а с 1899 г. — главного хранителя. При этом нужно было «привести г. Клеменца к присяге на верность службе и отобрать подписку о непринадлежности к тайным обществам»³². Как видно, революционное прошлое, несмотря на все заслуги, не отпускало Клеменца. Интересно, что еще раньше такое же условие — «оставить всякое участие в делах партии» — было выдвинуто Г.Н. Потаниным перед рекомендацией им Клеменца на должность Правителя дел ВСОРГО³³.

Деятельность Д.А. Клеменца в период пребывания в МАЭ — пополнение и регистра-

ция коллекций, организация выставок, работа с документами, заграничные командировки с целью изучения музейной техники — подробно описана в статье А.М. Решетова³⁴. С 1900 г. Д.А. Клеменц занял пост старшего этнографа МАЭ, т.е. стал правой рукой В.В. Радлова в деле организации и дальнейшего развития музея. Конечно, В.В. Радлов, сам незадолго до этого возглавивший МАЭ, приложивший много усилий для возвращения Клеменца в Петербург, знавший Клеменца по совместной работе в Монголии как всесторонне подготовленного и опытного специалиста и обеспечивший столь быстрое продвижение его по служебной лестнице, был заинтересован в нем как в ближайшем помощнике в деле становления и дальнейшего развития МАЭ. Очевидно, так же полагал и Д.А. Клеменц, на котором теперь, как на старшем этнографе, лежал весь основной груз организационной, научной и музейной работы. Однако, судьба (в очередной раз!) распорядилась иначе...

Идея единого Российского этнографического музея (РЭМ) возникла давно, через три года после организации Императорского Русского географического общества (ИРГО) в 1845 г., однако, высочайший указ о его создании появился только в 1895 г., а практические действия по его исполнению затянулись еще на некоторое время. В 1901 г. была создана специальная совещательная комиссия, в состав которой вошли — какой цвет нации! — Н.П. Кондаков, А.Н. Пыпин, В.В. Радлов, В.В. Стасов, А.Н. Харузин, А.А. Шахматов, вице-президент Академии художеств И.И. Толстой, вице-президент ИРГО П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Д.А. Клеменц и др. Было проведено несколько совещаний с обсуждением целей, структуры и программы музея. Д.А. Клеменц выступил со своим проектом программы, который был утвержден, а год спустя, в 1902 г., Д.А. Клеменц был назначен заведующим вновь созданного музея, хотя первоначально планировал для себя более скромную должность «устроителя музея».

О том, как это происходило, свидетельствует письмо академика С.Ф. Ольденбурга Клеменцу: «Мне кажется, что Вы неправильно поступили, отказавшись от директорства, никто из директоров больших музеев не приступал к делу с полной подготовкой, и готовых людей нет, надо учиться и учиться на самом деле. У Вас громадное преимущество личного опыта, личного знакомства с бытом разных народов, умения наблюдать и учиться на деле <...> Не это ли более важные качества, чем некоторая

сумма теоретических знаний довольно сомнительного свойства, какие могут быть у современного книжного этнографа... Право, не берите полуответственной должности устройства, решайтесь и станьте директором»³⁵. И Клеменц «решился».

Из всего сказанного выше, как и написанного о Д.А. Клеменце, складывается образ человека исключительно талантливого, ярко, энергичного, великого путешественника, постоянно готового к восприятию нового, обладавшего огромным запасом знаний в различных областях научных исследований, в первую очередь — этнографии, археологии и естественной истории, человека со сложной и многотрудной судьбой, каждый раз находящего в себе силы для возобновления активной научной, гражданской и жизненной деятельности. И вот такой человек, а не назначенный кем-то директор, оказался у истоков создания Российского этнографического музея!

О деятельности Д.А. Клеменца на посту заведующего этнографическим отделом Русского музея императора Александра III, который он занимал в течение 8 лет (с 10 января 1902 г. по 1 января 1910 г.) и об участии Д.А. Клеменца в самом создании этого музея (ныне — РЭМ) написано уже довольно много и написано хорошо³⁶. Деятельность эта с самого первого дня захватила Клеменца: «Музей — это моя последняя работа в жизни, другой я уже не успею сделать», — писал он товарищу управляющего Русским музеем Д.И. Толстому, курировавшему Этнографический отдел.

С прежней энергией и полной отдачей сил обратился Д.А. Клеменц к этой самой важной для него работе, используя весь свой предшествующий опыт, в том числе непосредственно до этого приобретенный в МАЭ. Он форсировал деятельность по сбору этнографических коллекций, для чего использовал свои прежние связи с сибирской интеллигенцией, создав своеобразный континуум внештатных дарителей-корреспондентов, от которых поступали такие пожертвования (С.П. Швецов и А.В. Адрианов — алтайские этнографические материалы, А.Н. Тугаринов и Н.М. Мартынов — минусинские, Ф.Я. Кон — тувинские, М.Н. Хангалов и Ц. Жамцарано — бурятские, Э.К. Пекарский, В.Е. Попов и В.М. Ионов — якутские и т. д.). Интересно, что наиболее активно, начиная с 1906 г., сотрудничал с Клеменцем С.И. Руденко (вогулы, самоеды, обские остяки), впоследствии возглавивший Отдел этнографии Сибири и Дальнего Востока РЭМ³⁷. Всего за годы директорства Д.А. Клеменца музеем было приобретено 84 969 экспонатов;

из них 13 793 ед. (т. е. около 29%) составили сибирские коллекции³⁸. С целью приобретения нового опыта Д.А. Клеменц совершил поездки по лучшим европейским музеям (Гельсингфорс, Дрезден, Бремен, Стокгольм, Мюнхен, Цюрих, Гамбург, Нюрнберг, Прага); такие же командировки он обеспечил для своих сотрудников. В то же время директор осуществлял постоянный контроль и принимал непосредственное участие в регистрации вновь поступивших материалов, приобретении экспозиционного оборудования, решении всех хозяйственных вопросов, связанных со строительством нового постоянного здания для музея и т.д. На первом месте для Клеменца, конечно, стояла общая концепция музея, впервые представленная в его программе, по некоторым позициям которой его мнение расходилось с мнением В.В. Радлова³⁹.

Вообще коллизия «Радлов—Клеменц» заслуживает самостоятельного исследования или, во всяком случае, более глубокого рассмотрения. Обозначим здесь только некоторые моменты, объясняющие, на первый взгляд, неожиданный переход Д.А. Клеменца из МАЭ, где уже были созданы все условия для его дальнейшей научной и практической работы, во вновь образованный Этнографический музей, где предстояло все начинать заново. А.М. Решетов совершенно прав, отмечая, что расставание Радлова и Клеменца отнюдь не было «идиллическим» и что, если бы Радлову заранее стало известно намерение Клеменца, то «оно вызвало бы у него явно негативное отношение»⁴⁰. Ведь Радлов терял таким образом ближайшего помощника, замены которому тогда (да и потом!) не было. Действительно, Клеменц был очень многим обязан Радлову, но и Клеменц сделал немало для Радлова. Ведь именно Клеменц, по сути дела, взял на себя все археологические работы в Монголии как во время Орхонской экспедиции, так и в течение нескольких лет после ее окончания. Так что дело здесь не в благодарности (ее должно было быть достаточно с обеих сторон), тем более ни в каких-то жизненных амбициях, а в чем-то другом. На наш взгляд, в первую очередь, это различное понимание целей, задач и специфики Российского этнографического музея.

Академик В.В. Радлов, основоположник отечественной тюркологии, несмотря на долгие годы работы в Сибири, все же оставался кабинетным ученым. Одним из критериев отбора этнографического материала для музейного хранения и экспозиции, как и в большинстве крупных этнографических собраний Европы, он считал «экзотический» первобытный харак-

тер культуры народа, не достигшего уровня цивилизации, т.е. широкого показа т.н. Naturvolke. В этом случае возникали трудные, порой неразрешимые вопросы: например, русский народ, представляющий основную массу населения Российской империи, как бы «выпадал» из сферы внимания Российского этнографического музея⁴¹. Правда, Радлов считал возможным создание единого Национального музея, в котором этнография русских и других народов Российской империи была бы представлена на широком фоне общей этнографии, на базе МАЭ. Образование такого музея допускал и Клеменц, но на базе Этнографического отдела музея Александра III, что для Радлова уже было совершенно неприемлемо.

В отличие от Радлова Клеменц в первую очередь этнограф-практик, в большей степени тяготеющий к естественно-географическим, чем лингвистическим критериям выделения народностей. «Общепринятая классификация инородцев лингвистическая, по группам языков, — писал Д.А. Клеменц, — но мы не будем ее придерживаться, так как она соединяет, руководясь только родством языков, крайне разнообразные народы с культурной точки зрения»⁴². Ведущим принципом построения этнографической экспозиции Клеменц считал выделение культурно-географических областей, т.е. близко к современной теории хозяйственно-культурных типов. В качестве основной задачи этнографического музея Д.А. Клеменц видел не только демонстрацию инаковых феноменов культуры, но и сочетание трех основных функций музея — научной, практической и общественно-просветительской. В последнем случае он придавал большое значение созданию провинциальных музеев («на местах»). По его мнению, каждый сотрудник музея, помимо обычной музейной работы, должен заниматься научными исследованиями, в том числе и непосредственно в этнографической среде. «Этнолог, — писал Клеменц в предисловии к русскому изданию книги Г. Шурца “Первобытная культура”, — это Антей, силы которого удесятятся при соприкосновении с родной почвой»⁴³. Таким хотел видеть Д.А. Клеменц Российский этнографический музей, чего, естественно, нельзя было достигнуть, продолжая работать в МАЭ.

Два директора, два музея, две концепции... Двое замечательных ученых, работавшие вместе в Монголии, а до этого побывавшие в одних и тех же отдаленных уголках Саяно-Алтайского нагорья, с в чем-то схожей (Казань — Сибирь — Петербург) и в тоже время такой различной судьбой. В дальнейшем оба направ-

ления нашли достойное воплощение в ныне успешно существующих петербургских музеях — Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН и Российском этнографическом музее.

В петербургский период деятельности Д.А. Клеменца в сфере его научных интересов активизируется несколько направлений, на первый взгляд, новых, а на самом деле вытекающих из опыта всей его предшествующей, в том числе и музейной, работы. Одно из них — это интерес к тому, что сейчас называется «История первобытного общества». Специальных работ у Клеменца по этому поводу нет, но им написаны Предисловия, яркие и содержательные, к сочинениям ряда европейских авторов, взгляды которых близки теоретическим позициям самого Клеменца (Э. Ган «История хозяйственной культуры», Э. Кин «Этнология», Г. Шурц «История первобытной культуры» и др.). Другое — это вопросы использования экономического потенциала окраин Российской империи с учетом опыта традиционных культур, поднятые еще в период подготовки Сибиряковской экспедиции. В значительной степени этому посвящен прекрасный очерк Д.А. Клеменца «Население Сибири» в книге «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды», представляющий собой как бы краткую энциклопедию знаний об истории Сибири, ее освоении и населения⁴⁴.

Третье — отчетливо выраженный интерес к вопросам изучения религии, в первую очередь, буддизма (ламаизма). Вероятно, здесь сказались и с детства знакомые калмыцкие степи, и этнографические поездки к бурятам с посещением дацанов, и Турфанская экспедиция Клеменца, позволившая ему заглянуть в самую сокровищницу религиозных ценностей Востока. Вероятно, этим объясняются активное участие Д.А. Клеменца в деле Чота Челпанова, провозвестника бурханизма на Алтае, поездка Клеменца на место событий, на Алтай, в 1904 г., и выступление его в суде, после чего Чот Челпанов и другие алтайцы, проходящие по этому делу, были освобождены⁴⁵. В то же время известно, что Д.А. Клеменцем была задумана монография о сибирском шаманстве, для которой специально собирались материалы, планировалось привлечь к этому Г.Н. Потанина, но смерть Клеменца прервала эту работу⁴⁶. В Отделе этнографии Сибири и Дальнего Востока РЭМ хранится довольно большая коллекция шаманских атрибутов, собранных внештатными сотрудниками Д.А. Клеменца⁴⁷.

И, наконец, последнее — это никогда не прекращавшаяся борьба против уничтожения археологических памятников, за сохранение культурного наследия России. «Уважение к прошлому, — писал Д.А. Клеменц, — все равно, что уважение к родителям. Общество, пренебрегающее этой обязанностью, стоит на уровне не помнящих родства»⁴⁸.

В годы правления Д.А. Клеменца в Этнографический отдел музея Александра III поступило более 2000 этнографических коллекций, начато периодическое издание «Материалы по этнографии России» (возобновлено в настоящее время), увеличено количество штатных сотрудников музея, открыта первая касса взаимопомощи и пр. Во всем этом Дмитрий Александрович принимал самое непосредственное деятельное участие, что приносило ему, как директору, не только заботы и усталость, но и явное удовлетворение, внутреннюю уверенность, спокойствие и мудрость, как об этом можно судить по одной из последних фотографий Д.А. Клеменца, помещенной в опубликованном уже посмертно втором выпуске журнала «Материалы по этнографии России» (рис. 3). Однако, в октябре 1909 года Д.А. Клеменц подал в отставку (находился на должности заведующего до 1 января 1910 года) и вскоре переехал в Москву. При этом ему (прежнему политическому сыльному, т. е. государственному преступнику) был пожалован чин действительного статского советника и назначена пенсия 2 тыс. руб.⁴⁹.

Причины столь неожиданного решения не совсем ясны. Н.М. Могиланский, занявший это место после Клеменца, пишет, что «вынужденный по расстроенному в конце здоровью в начале 1910 г. оставить службу и любимое дело, он поселился в Москве и занялся обработкой богатых старых материалов, накопленных им в его многочисленных путешествиях»⁵⁰. Это мнение опровергает сам Д.А. Клеменц, который в письме к С.Ф. Ольденбургу признавался, что «как хотите, но все-таки обидно как-то, что вырывают дело из рук»⁵¹. Кто *вырывает* (Курсив наш. — Д.С.) и почему — пока остается только догадываться.

Можно думать, что в Москве жизнь не сложилась. Как отмечал В.А. Обручев, дневников Клеменц не вел, только краткие путевые заметки, обобщение которых планировал «на потом». Но память уже стала изменять, и многое оказалось потерянным. В 1910 г. выходит несколько печатных работ Клеменца, но в основном написанных в предшествующий, петербургский период. В это время в Петербурге продолжается работа по благоустройству

Рис. 3. Дмитрий Александрович Клеменц — директор Этнографического отдела Русского музея Александра III.
Илл. из кн.: *Материалы по этнографии России*. СПб., 1914

нового здания для музея, его любимого детища, открытие которого задержалось из-за Первой мировой войны. В Москве Клеменц заболел; в конце 1913 г. здоровье его сильно ухудшилось. 8 января 1914 года Дмитрий Александрович скончался. Его жена и верный спутник на протяжении последних 30 лет, Елизавета Николаевна Клеменц, от удара из-за болезни мужа умерла на три дня раньше. Дмитрий Александрович об этом так и не узнал. Как написал А.В. Адрианов, «оба друга одновременно, как будто взявшись за руки, ушли из реального мира»⁵². Похоронены супруги Клеменцы вместе, в Москве, на Ваганьковском кладбище.

Вся жизнь Дмитрия Александровича Клеменца служит примером стойкости и преданности своему предназначению, независимо от того, в какой сфере деятельности они должны проявиться. Поэтому как девиз и напутствие звучат заключительные слова речи Д.А. Клеменца, произнесенной на собрании членов ВСОРГО 17 ноября 1891 года: «Свято чтить память наших предшественников и стараться быть достойными служителями вверенного нам дела»⁵³.

- ¹ Попов И.И. Д.А. Клеменц (Биографический очерк) // Изв. Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. — Т. XLV. — 1916. — С. 68.
- ² Дубов И.В. Российский этнографический музей: прошлое и настоящее // ПМДВР. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 9.
- ³ Попов И.И. Д.А. Клеменц (Биографический очерк)... — С. 65.
- ⁴ Тишкин Г.А. Один из блестящей плеяды (Дмитрий Клеменц в Российском освободительном движении) // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 41—43.
- ⁵ Обручев В.А. Обзор путешествий Д.А. Клеменца во Внутренней Азии и их географических и геологических результатов // Изв. ВСОРГО. — Т. XLV — СПб., 1916. — С. 1—34.
- ⁶ Клеменц Д.А. Предисловие // Шурц Г. История первобытной культуры. — СПб., 1907. — С. 10. Судя по всему, Д.А. Клеменц одним из первых в нашей науке стал использовать этот термин, общепринятый сейчас, — этнология, вместо появившегося позднее наименования этнография.
- ⁷ Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц. — Красноярск, 1988. — С. 5.
- ⁸ Цит. по: Федорова В.И. Революционный народник... — С. 7.
- ⁹ Попов И.И. Д.А. Клеменц (Биографический очерк)... — С. 66.
- ¹⁰ Цит. по: Тишкин Г.А. Один из блестящей плеяды (Дмитрий Клеменц в Российском освободительном движении) // ПМДВР. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 32.
- ¹¹ Обручев В.А. Обзор путешествий Д.А. Клеменца во Внутренней Азии...
- ¹² Цит. по: Федорова В.И. Революционный народник... — С. 75.
- ¹³ Многие места, упоминаемые в биографии этого периода жизни Д.А. Клеменца (Аскиз, Уйбат, Таштып, Тея, Есь, Чульшман, Кантегир и др.), мне хорошо знакомы по археологическим экспедициям.
- ¹⁴ Дэвлет М.А. Д.А. Клеменц как археолог // Советская археология. — 1963 — № 4. — С. 3—9; Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // ИЛАИ. Вып. VI. — Кемерово, 1973. — С. 111—115; Савинов Д.Г. Д.А. Клеменц и минусинская археология // ПМДВР. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 111—119.
- ¹⁵ Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения... — С. 112.
- ¹⁶ Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. — Томск, 1886.
- ¹⁷ Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований XVIII — первой трети XX в. — Новосибирск, 1986.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Клеменц Д.А. Материалы, собранные Д.А. Клеменцем при экскурсиях в верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. — Омск, 1890. — С. 29.
- ²⁰ Островский А.Б. Малоизвестные страницы этнографического наследия Д.А. Клеменца // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 175—181.
- ²¹ Федорова В.И. Революционный народник... — С. 81, 82.
- ²² Вообще 1888 — одновременно трагический и знаменательный год в истории отечественной науки. По необъяснимому стечению обстоятельств в этот год ушли из жизни Н.М. Пржевальский, Н.Н. Миклухо-Маклай, экономист и этнограф Н.И. Зибер и др. В том же 1888 г. родился С.А. Теплоухов, начал проводить полевые археологические исследования Д.А. Клеменц.
- ²³ В этом отношении Д.А. Клеменц кардинально отличается от В.В. Радлова, копавшего быстро, много для заполнения вещественными материалами созданной им периодизации, но на гораздо более низком методическом уровне.
- ²⁴ Дэвлет М.А. Д.А. Клеменц как археолог... — С. 7.
- ²⁵ Федорова В.И. Революционный народник... — С. 91.
- ²⁶ Кляшторный С.Г. Д.А. Клеменц и открытие памятников древнетюркской письменности // ПМДВР. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 143.
- ²⁷ Цит. по: Решетов А.М. Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // ПМДВР. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 81.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Кляшторный С.Г. Д.А. Клеменц и открытие памятников... — С. 144.
- ³⁰ Ольденбург С.Ф. Экспедиция Д.А. Клеменца в Турфан в 1898 году // Изв. ВСОРГО. — Т. XLV — СПб., 1916. — С. 229, 230.
- ³¹ Белова Н.А. Д.А. Клеменц и Императорская Археологическая комиссия // ПМДВР. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 155—165.
- ³² Решетов А.М. Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии... — С. 79.
- ³³ Федорова В.И. Революционный народник... — С. 92.
- ³⁴ Решетов А.М. Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии... — С. 59—94.
- ³⁵ Цит. по: Федорова В.И. Революционный народник... — С. 95.
- ³⁶ Макаренко А. Д.А. Клеменц в Этнографическом отделе музея императора Александра III (1901—1909) // Изв. Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. — Т. XLV — СПб., 1916. — С. 316—355; Конаков И.П. Д.А. Клеменц — основатель Этнографического отдела Русского музея // Труды института этнографии. — Н. с. — Т. 94. — Вып. 4. — М., 1968. — С. 45—61; Шангина И.И. Д.А. Клеменц и Этнографический отдел Русского музея императора Александра III // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 95—110.
- ³⁷ Макаренко А. Д.А. Клеменц в Этнографическом отделе...
- ³⁸ Горбачева В.В. Д.А. Клеменц и сибирские коллекции РЭМ // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 127.
- ³⁹ Грусман В.М., Дмитриев В.А. Этнографический отдел Русского музея и концепция национального музея // Музей. Традиции. Этничность. — СПб., 2012. — № 1. — С. 16—20.
- ⁴⁰ Решетов А.М. Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии... — С. 88.
- ⁴¹ Баранов Д.А. К истории классификаций в Этнографическом отделе Русского музея («Великорусь», «Русские», «Инородцы») // Музей. Традиции. Этничность. — СПб., 2012. — № 1. — С. 28—37.
- ⁴² Клеменц Д.А. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. — СПб., 1908. — С. 55.
- ⁴³ Клеменц Д.А. Предисловие // Шурц Г. История первобытной культуры. — СПб., 1907. — С. 9.

⁴⁴ Клеменц Д.А. Население Сибири...

⁴⁵ Дьяконова В.П. Д.А. Клеменц — защитник бурханистов Алтая // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 147—154.

⁴⁶ Адрианов А.В. Памяти супругов Клеменцев // Изв. Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. — Т. XLV. Посвящен памяти Д.А. Клеменца. — СПб., 1916. — С. 122.

⁴⁷ Соловьева К.Ю. Вклад Д.А. Клеменца в формирование коллекций Этнографического отдела по шаманизму народов Южной Сибири // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со д. р. Д.А. Клеменца. — СПб., 1998. — С. 129—138.

⁴⁸ Цит. по: Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Изв. лаборатории археологических исследований. — Вып. VI. — Кемерово, 1973. — С. 115.

⁴⁹ Попов И.И. Д.А. Клеменц (Биографический очерк)... — С. 76, 77.

⁵⁰ Могилянский Н.М. Памяти Д.А. Клеменца // Материалы по этнографии России. — Вып. 2. — 1914. — С. VII.

⁵¹ Цит. по: Федорова В.И. Революционный народник... — С. 109.

⁵² Адрианов А.В. Памяти супругов Клеменцев // Изв. Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. — Т. XLV. Посвящен памяти Д.А. Клеменца. — СПб., 1916. — С. 123.

⁵³ Серебренников И. О деятельности Д.А. Клеменца в Восточно-Сибирском отделении Императорского Русского географического общества // Изв. Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. — Т. XLV. Посвящен памяти Д.А. Клеменца. — СПб., 1916. — С. 146.